

Социология за рубежом

© 1996 г.

П. БЮХНЕР, Г.-Г. КРЮГЕР, М. ДЮБУА

«СОВРЕМЕННЫЙ РЕБЕНОК» В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Социология детства рассматривает свой предмет не как изначально гомогенную группу на пути к повзрослению, но как структурный компонент общества, отражающий социальные и культурные изменения.

На основе данных, полученных при всестороннем и конкретном изучении 12-летних детей и их родителей в трех различных европейских регионах (Западная Германия, Восточная Германия и Нидерланды), мы представляем категориальную схему для исследования воздействия процессов модернизации на повседневную детскую жизнь.

Теоретически мы исходим из факта подверженности повседневной жизни современных детей влиянию общего движения в сторону модернизации и цивилизации, что почти целиком упускается из виду традиционным направлением исследования детства. В частности, существует тенденция к большей вариабельности состава семьи, создающая новые формы семейных отношений. Усилившаяся индивидуализация биографий и стилей жизни семей также влияет различным образом на жизнь ребенка, в зависимости от окружающих его специфических социокультурных условий. При изучении воздействия модернизации на детскую жизнь нами были использованы предложенная Бекон [1] концепция «рисковых сообществ» и введенное Элиасом [2] понятие «цивилизационного процесса»; модернизация касается меняющегося состава и структуры семьи и семейной жизни, изменения стандартных («нормальных») детских биографий, стилей жизни, структур общественной власти, форм социального контроля и участия, а также влияния меняющихся форм цивилизации (социальных стандартов поведения) на детскую жизнь.

Особо следует сказать о трех основных областях анализа. Во-первых, мы подвергли рассмотрению процесс перехода от детства к юности и в особенности «раннюю биографизацию» течения детской жизни, которая обсуждается в работе [3]. В трех выбранных регионах мы сравниваем пути осуществления детьми этого биографически значимого перехода на основе различных ресурсов и видов на свое будущее. Во-вторых, в рамках этого всеобъемлющего контекста мы рассматриваем отношения между родителями и детьми на фоне изменяющихся состава семьи, семейных структур и внутрисемейных форм совместного жительства, анализируем процессы договорных отношений между родителями и детьми, принимая во внимание правила и практики внутри- и внесемейной повседневной жизни. Наконец, мы изучаем детские культуры, а также структуру, степень и организацию детской внешкольной активности, включая сюда формальные и неформальные общественные образования, учитываем роль имеющихся социокультурных возможностей.

Таким образом, в рамках описанного теоретического контекста наше исследование направлено на сравнение детских биографий, культурных практик и изменяющихся отношений между родителями и детьми в трех европейских регионах. Как первый шаг на пути к этому, на конкретном материале мы строим типологию образцов процесса биографизации, вариантов детских культур и способов отношений родителей и детей. Следующим шагом нашей продолжающейся и поныне работы будет сравнительный анализ специфических путей подрастания ребенка в различных регионах Европы.

В этой статье мы представляем краткий очерк наших теоретических и методологических обоснований, после чего описываем первую ступень анализа текущих процессов модернизации и цивилизации повседневной детской жизни в указанных регионах Европы; на основании конкретного материала мы разрабатываем категориальную схему, которая поможет уловить влияние макроуровневых социальных изменений на микроуровневый процесс подрастания ребенка в различных социальных и культурных контекстах.

Теоретическое обоснование

Благодаря изучению современного детства именно в контексте процессов модернизации и социальных изменений наше исследование тяготеет к некоторой исторической перспективе. Мы смотрим под таким углом на повседневную детскую жизнь в ее соотносительности с жизнью взрослых в свете представлений, выдвинутых теориями модернизации, социологией культуры и социологией цивилизации. За несколько последних лет был опубликован ряд многообещающих в теоретическом отношении «макроуровневых» исследований, выполненных в данном аспекте. Основное влияние на эти работы оказали Элиас и Бек. Оба относят отношения между структурным сдвигом и изменениями при модернизации и цивилизации к процессам перемен общественного и индивидуально-личного плана.

Бек анализирует современные «рисковые сообщества» с точки зрения противоречий между производством экономических ресурсов (богатства) и производством социальных рисков в богатых западных индустриализированных сообществах, особенно в Германии. Главным образом он озабочен личностными и социальными издержками на модернизацию, возникающими в результате разрушения традиционной семьи и поддерживающими общность структур наряду с усилением индивидуализированного частного мира, основывающегося на интересах, стремлениях и обязательствах индивидов больше, чем на классовой идентичности и классовой солидарности. Институты образовательного и рабочего рынков подчеркивают индивидуальный успех и поощряют соревновательность, которая все более и более доминирует в частной жизни. Согласно Беку, тенденция к индивидуализации возникает как следствие эрозии традиционных классовых различий, укорененных в общественном «статусе» и традиционных стилях жизни. Процессы усиления многообразия и индивидуализации стилей жизни находятся в движении, которое отражает как возрастание благоприятных возможностей и свободы выбора, так и новые формы риска и принуждения.

Такой уклон в сторону индивидуализации уклада жизни влияет на детей различным образом. На первый взгляд кажется, что перед ними открывается масса возможностей в смысле образования и проведения досуга, но как институты образования, так и рынки досуга опять же выносят на первый план индивидуальный успех и соревновательность. Режим соревнования означает, что молодые люди изолируются в среде сверстников и уже в очень раннем возрасте должны брать на себя ответственность за свои действия. Таким образом, жизнь становится «биографическим проектом»: дети в определенной степени должны уметь преследовать свои цели, невзирая на указания родителей. Они получили возможность купить собственный досуг. Однако возросла не только возможность выбора и автономного действия, но и необходимость принятия решений, которому сопутствуют риск, стрессы, неопределенность, постоянная неуверенность и утрата традиционных форм групповой поддержки семьи и окружения. Согласно Фухсу, этот процесс «биографизации моделей жизни» в настоящее время затронул и детский возраст. Роль индивидуальных биографий в укладе общественной жизни сильно возросла.

Наверное, самая яркая черта изменений, связанных с индивидуализацией детства - это более раннее стремление к независимости в большем, чем когда бы то ни было числе областей, что связано с индивидуализацией жизненных ситуаций, стилей и, таким образом, всего уклада жизни. Тесные семейные связи и прямой контроль за

детьми в родительском доме частично замещаются активностью ребенка вне семьи и возросшей ориентацией на группы сверстников. В качестве примера таких областей можно привести права индивидуального решения относительно покупок, распоряжения своим местом и временем, выбора формы проведения досуга, определения среднего уровня своих расходов, выражения личных вкусов или выбора подходящих способов общения и социальной активности. Подобно этому в школах также требуется навык принятия решений, например, планирование работы на неделю, участие в проектно-ориентированном обучении или выбор учебных курсов. Кроме того, школьное обучение предполагает определенную независимость в завязывании социальных контактов, которые ранее ограничивались традиционным окружением. Итак, в целом в детской «нормальной биографии», по всей видимости, становится все меньше и меньше обязательных компонентов.

Большинство детских «нормальных биографий» отмечено изменениями материальных условий жизни, что в контексте социализации в литературе было подмечено термином «дестандартизация уклада жизни». Она особенно заметна в частной сфере семьи и родственных связей, в отношениях к друзьям и родителям [4]. Дестандартизация сопровождается ослаблением поддержания нормативных традиций семейной жизни и проведения досуга и усилением ориентации на ценность самореализации в противовес исполнению обязанностей перед другими [5]. Посредством этого процессы индивидуализации пускают корни, предлагая как детям, так и взрослым новые перспективы в возможностях управления своей жизнью.

Произошедшее в недавнее время изменение отношения к зарабатыванию денег также повлияло на уклад и стиль жизни людей. Это изменение стало особенно драматичным в последние десятилетия для женщин, которые добились для себя большей независимости, а значит получили расширенные возможности для биографически значимого выбора как внутри, так и вне семьи. Получению ими прав на более высокое образование и хорошее трудоустройство сопутствовали демографические сдвиги — уменьшение размеров семьи и задержка срока рождения первого ребенка. Семьи с уменьшенным количеством детей позволяют создать более уютную обстановку и уделять каждому ребенку больше внимания. С доступностью эффективных противозачаточных средств рождение детей стало более планируемым и желанным. Традиционные семейные ценности, например, предназначение женщин к материнству, были поколеблены, и перед женщинами открылся широкий простор для самореализации. Как следствие увеличения числа разводов, большее количество детей растет с отчимами, мачехами, сводными братьями и сестрами.

На этом фоне усиливают «работу» и другие источники и виды биографической ориентации, поскольку современный «досужий класс» для успешного участия во всеобщем соревновании должен быть способен проявить более, нежели просто готовность к жизненному пути.

Таким образом, биографические вехи сдвинулись, и старые привычные ориентиры частично утратили свою значимость. Возникший динамизм в стержневых моментах детских «нормальных биографий» выражает тот факт, что жизненно важные элементы процесса детской социализации оторвались от традиционного социального контекста и стали контролироваться «основанными на рынке структурами возможностей» [4], как следствие возросшей заботы о ребенке и его досуге за пределами семьи.

Чем большее число детей в затронутых изменениями семьях попадает под влияние и ориентиры, внешние по отношению к семье (школа, средства отдыха, среда обещания и т.д.), тем сильнее это благоприятствует стремлению к индивидуальному принятию решения при выборе альтернативных жизненных путей.

Такой ход событий, описанный Фухсом как «биографизация уклада жизни», есть один из элементов дестандартизации жизни на фоне множественности ее форм и стилей. В соответствии с этим от каждого ребенка ожидают и часто требуют «индивидуализированного» поведения, так что он или она поставлены перед необходи-

мостью выбора в каждом конкретном биографическом случае. От детей, таким образом, ожидают осознания и использования этих возможностей выбора, что в свою очередь подразумевает какую-то ориентацию на предполагаемое будущее.

В теоретическом подходе Элиаса, составляющем еще одну основу для анализа современного детства, предположение о своем будущем требует предусмотрительности и дальновидности как необходимых условий цивилизованного поведения. Согласно Элиасу [2], цивилизационный процесс, продолжающийся вот уже многие столетия, требует от современных индивидов, чтобы они находились под сильным социальным контролем в любых ситуациях; они должны контролировать свои эмоции, так же, как развивать в себе способность к внутреннему самоконтролю, которая считается признаком цивилизованного поведения. Выразительный пример современного «развитого общества» благополучных государств Скандинавии [6, 7] также говорит о преобразованиях в повседневной жизни дошкольников и их родителей. В терминах такого цивилизационного процесса один из авторов, Денсик, показывает, что многие области социальной жизни приобрели черты ситуаций купли-продажи (дружба, образ жизни, потребление, общественные рынки, детские сады, школа, семья, наконец, рынок труда и брачный рынок).

Дети, сталкивающиеся с подобными рыночными ситуациями уже в очень раннем возрасте, рискуют потерпеть неудачу во взаимодействиях с окружающими, если не выработают в себе навыки самоконтроля, беспристрастности и воздержания на публичной арене от проявлений инфантильности и регрессивного поведения. Такая «социальная акселерация», по обозначению Денсика [7], указывает на факт изменения управляющих поведением ребенка идеалов и норм по сравнению с таковыми во времена детства его родителей. Сегодняшние родители не могут использовать опыт своего воспитания в качестве модели для воспитания детей. Тенденция рассматривать детей и родителей как независимые инстанции со своими собственными нуждами и законным статусом влияет, таким образом, на качество отношений между ними.

Де Сваан [8], также со ссылкой на подход Элиаса, постулирует, что за последние несколько десятилетий отношения между родителями и детьми изменились от построенных по модели подчинения авторитету к отношениям, основанным на периодическом заключении договоров и возникающей параллельно перестройке баланса власти в родственных связях. Женщины, так же, как и дети, добились большей свободы в личных и общественных делах, позволяющей им жить собственной жизнью. Выровненный баланс власти посредством этого оставляет больше возможностей как для выбора и перспектив, менее зависящих от родственных связей [9], так и для нивелирования классовых различий, что особенно типично для высокоразвитых западных обществ [10].

Отношения между родителями и детьми, таким образом, изначально выходят за рамки руководства традиционными нормами и ценностями, фиксированными стандартами образования и авторитетом социального статуса, становятся открытыми для разнообразных договоров и зависимыми от специфических ситуаций и личных мотивов членов семьи. Как модель коммуникации, договор подразумевает равенство партнеров. Старые формы воздействия на поведение ребенка посредством физического наказания замещаются указанием ребенку на последствия его или ее поступков, которые родителям могут нравиться или нет. Открытое принуждение для подавления нежелательного поведения больше не принимается как стратегия воспитания. Все человеческие отношения в самом укладе цивилизации стали прочнее регулироваться внутренними формами самоконтроля в противовес внешнему контролю со стороны других людей и социальных посредников.

Герхардс [11] обращает внимание на то, что этот новый носитель социальных взаимодействий в форме периодически перезаключаемых договоров является взаимно-коммуникативным процессом, требующим вербализации и культурной кодификации (например, как это записано в кодексах этикета и социальной иерархии) своих эмоций как со стороны родителей, так и со стороны детей. Следует сказать, что дети должны

уже в раннем возрасте обучаться управлять своей жизнью, цивилизованно взаимодействуя с родителями посредством перезакрывающихся договоров.

Вследствие того, что современный ребенок рассматривается как индивидуальность, родители выказывают больше внимания к его желаниям и нуждам и стремятся признавать и поощрять его автономию, саморегуляцию и самоконтроль. В то же время они допускают, что ребенок будет способен совладать со встретившимися ему ситуациями [12]. Для детей открываются новые благоприятные возможности, но вместе с этим увеличивается бремя необходимости развития адекватных социальных навыков, отвечающих новым социокультурным требованиям цивилизованного поведения, вплоть до потребности в помощи профессионального терапевта.

Согласно теориям модернизации и цивилизации, такая культура договорных отношений не оказывает одинакового и одновременного влияния на все слои общества. Верхний слой остается лидером в оформлении курса цивилизационных и модернизационных процессов по направлению к стандартам, которые создают и поддерживают социальную дистанцию по отношению к нижележащим слоям. Нижние слои постепенно стремятся воспринять стандарты поведения верхних слоев, например, современную культуру семейного договора. Несмотря на возникающее культурное сопротивление, свидетельствующее о жизнеспособности прежних идеологий семейных отношений¹, результаты таких процессов становятся необратимыми. Бюхнер [13, 14, с. 107] описал изменяющиеся в Западной Германии после второй мировой войны семейные отношения в терминах преобладающего стремления к заключению возобновляемых договоров между родителями и детьми как процесс, отмеченный изменением ценностных ориентации, моделей образования и конкурирующих влияний общественных институтов. Новое законодательство также признает растущую значимость закона об охране детства.

Стремление к участию в текущем процессе укрепления договорных отношений между родителями и детьми, как современной и все более преобладающей форме их взаимодействия, тесно связан с общей тенденцией к неформальности коммуникации между поколениями, идентифицированной Уотерсом [15]. Неформальность предполагает ослабление специфических традиционных обязанностей, таких как «непререкаемое» доминирование стариков или местного духовенства, которым теперь нужны иные формы законодательства, а также снисходительность и обоюдная терпимость, особенно в отношениях с детьми. Неформальность предполагает также взаимное признание автономии и личного права на собственное тело. Современные дети требуют для себя телесной автономии, и она им предоставляется в виде отсутствия телесных наказаний, прав выбора способа ухода за телом, выражения эмоций и сексуальных желаний, еды, одежды и места для уединения.

Однако такое стремление к большей неформальности отношений между поколениями не означает ни движение вспять всеобщего цивилизационного сдвига в сторону формализации отношений, ни ослабление принуждений. Напротив, в лице этой неформальности социальные отношения подвергаются риску возрастания неопределенности и двусмысленности (включая риск неудачи), если не учитываются основные нормы и стандарты цивилизации. Присущие отношениям между поколениями балансы власти стали менее прозрачными и более усложненными и трудными для овладения их участниками, особенно детьми, ибо для этого требуется соответствующее умственное развитие, например, высокая степень внутренней дисциплины, самоконтроля и саморегуляции [15, с. 292]. В то же время боязнь оказаться неспособным к поддержанию связей с другими или потерять общественный престиж является серьезным стимулом признания необходимости большей самодисциплины в социальных отношениях.

Реймон и Цинникер [16] провели сравнительно-историческое исследование, в

¹ Например, ведущаяся сегодня дискуссия о большей роли лидерства в образовании укоренена в «самокритике» части антиавторитарного движения в Германии.

котором проанализировали модели городского детства на протяжении всего века в немецком Висбадене и голландском Лейдене. В этом контексте они описали различные способы и стили воспитания родителями своих детей, обнаружив синхронные и асинхронные процессы культурного развития и ряд различных культурных схем процесса европейской модернизации, а также способов социализации в рамках семейных отношений. Эти находки заслуживают внимания и сейчас, особенно на фоне ведущейся дискуссии об исчезновении детства [17]. В нашем исследовании мы пытаемся продолжить эти размышления, поставив вопрос о том, можно ли рассматривать «договор» как «современную» характеристику внутри- и внесемейных отношений между поколениями.

Практика заключения договоров между родителями и детьми, наблюдаемая в современных семьях и позволяющая проникнуть в специфическую форму внутрисемейного принятия решений и социального контроля, представляет особый интерес с учетом развития современных структур социальной власти и форм социального контроля и участия. Представляет ли для ребенка такой современный «демократический» способ воспитания возможность развития автономии, уверенности в себе, самоконтроля и способности к принятию решений на этой ступени его биографии, как полагают некоторые исследователи [18]? Как обстоит дело с традиционной функцией наставников-родителей в свете общей тенденции к индивидуализации, включающей, например, описанное Бекон [1] ослабление традиционного контроля со стороны сообщества? Как возможно оценить изменение влияния социальных институтов, таких как школа, школьные центры, клубы и объединения? Кто выбирает путь и берет на себя руководство? Таковы некоторые из вопросов, ответы на которые мы хотели бы обрести по ходу дела. Надеемся, что помощь в этом отношении предоставят результаты осуществленного нами исследовательского проекта.

Методология

В рамках лонгитюдного подхода, основывающегося на качественном анализе, в каждом из трех выбранных регионов — Нидерландах. Восточной и Западной Германии — мы опросили около тридцати 12-летних мальчиков и девочек вместе с их родителями. Мы намерены повторять такой опрос каждые два года вплоть до достижения детьми 14-летнего возраста.

На первой ступени отбор детей и родителей для участия в исследованиях производился в соответствии со следующими критериями: 1) постоянство числа опрашиваемых; 2) представленность различных черт социальной обстановки семей. Мы разработали опросник, который затрагивает род занятий, уровень профессиональной подготовки, образовательный уровень родителей и позволяет провести иерархическую классификацию, включающую высокую, среднюю и низкую социальные позиции. Дальнейшим принципом отбора опрошенных детей и родителей выступал социоэкологический критерий, касающийся места их жительства (большой город, город средних размеров, деревня) в трех выбранных нами регионах.

На второй ступени мы отбирали дополнительные случаи, руководствуясь принципом «теоретической выборки», предложенным в [19]. Таким образом, на основе теоретических догадок, полученных при истолковании первого набора случаев, мы отыскивали дополнительные интересные и перспективные случаи. Этим самым мы преследовали цель обнаружения и фиксации максимально широкого спектра структур различных случаев (т.е. случаев с максимумом и минимумом контрастов в различных областях анализа). Так, например, мы попытались представить большое разнообразие различных типов семей (полные семьи, семьи с одним родителем, семьи с неженатыми родителями, семьи, образованные после развода и т.д.).

Для сбора данных был объединен ряд методик. В начале работы проводился устный опрос детей 12-ти лет и их родителей. Затем на каждого респондента писался подробный обзор материала опроса, в котором дословно записывались те места из

устного рассказа, которые казались особенно важными для всего замысла. В дополнение к этому мы производили побочные «зеркальные» опросы для фиксации процесса взросления ребенка на фоне специфической внутрисемейной ситуации и данных социокультурных условий. Опрос ребенка и родителей проходил в собственном доме семьи в одно и то же время.

Опросы эти охватывали отношения родителей и детей, формы социального контроля, конфликты между поколениями, методы воспитания, внутрисемейные права и обязанности, пределы независимости, а также повседневные детские привычки и внешкольную активность. Обсуждение этих тем было «зеркальным» в том смысле, что оно касалось повседневной жизни ребенка с точки зрения его самого, с одной стороны, и, с другой стороны — с точки зрения его родителей. Новизна данного подхода проявляется в том, что точка зрения ребенка немедленно сопоставлялась («зеркально») с точкой зрения родителей.

Интерпретация собранного материала с учетом устных опросов происходит по методу поясняющих структур биографического процесса, предложенному Шютце [20]. Поскольку устная часть опроса была бесструктурной и поскольку выяснялся как взгляд ребенка на свою биографию (прошлую и будущую), так и взгляд на биографию ребенка его родителей, то необходима была дословная запись материала. Особую значимость имело здесь обнаружение конструктивных элементов личностной биографии.

Анализ материала побочных «зеркальных» опросов производился по методу фокусированного сравнительно-содержательного анализа, предложенного в [21—23]. Основные по важности факты из материала каждого конкретного случая, например способы заключения внутрисемейного договора, этапы взросления, пройденные ребенком или специфические черты детской культурной деятельности, целиком переводились в форму, требуемую для последующей аналитической интерпретации. Остальной материал приводился в соответствие образцу, выделенному анализом. Учитывая все это, мы стремились создать такие портреты семьи и ребенка, в которых проявлялись бы идентифицируемые варианты отношений между поколениями внутри семьи, включая специфических формы договоров между родителями и детьми, а также степень ранней биографизации [3] на этой основе детского уклада жизни и варианты современных детских культур.

Перевод с английского Е. А. ЧИЛЬДИЕВОЙ. С.

КРИВОШЕИНА

Окончание следует

ЛИТЕРАТУРА

1. Beck U. Risikogesellschaft. [Risk Society]. London: Sage, 1986.
2. Elias N. Uppber den Prozess der Zivilization, 2. Frankfurt a. M.: Suhrkamp. [The Civilizing Process, 2]. New York: Blackwell, 1939, 1969.
3. Fuchs W. Jugendliche Statuspassage Oder Individualisierte Jugendbiographie? // Soziale Welt. 1983. № 34. P. 341—371.
4. Kohlt M. Der Lebenslauf im Strukturwandel der Moderne // Sozial Welt. 1986. Sonderband № 4. P. 183—208.
5. Klages H. Wertorientierungen im Wandel. Frankfurt: Campus, 1984.
6. McClelland DC. The Achieving Society. Princeton, New York: Van Nostrand Reinhold. 1961.
7. Dencik L. Graving Up in the Post-modern Age: On the Child's Situation in the Modern Family, and on the Position of the Family in the Modern Welfare State // Ada Sociologica. 1989. № 32. P. 155-180.
8. De Swaan A. Vom Ausgehverbot zur Angst vor der Strasse // Pad. extra. 1982. № 10. P. 48-55.
9. Hagestadt G. Trends and Dilemmas in Life Course Research // Theoretical Advances in Life Course Research / W.R. Heinz (ed.). Weinheim: Deutscher Studien Verlag. 1991. P. 23—57.
10. Skolnick A. Embattled Paradise. New York: Harper Collins, 1991.
11. Gerhards J. Soziologie der Emotionen. Weinheim/Munchen: Juventa, 1988.
12. Preuss-Lausitz U., Rulcker H. (eds.) Selbständigkeit für Kinder — Die arose Freiheit? Weinheim/Basel: Beltz. 1990.

13. *Buchner P.* Vom Befehlen und Gehorchen zum Verhandeln // Kriegskinder, Konsumkinder, Krisenkinder / U. Preuss-Lausitz u.a. (eds.) Weinheim: Beltz, 1983. P. 196—212.
14. *Buchner P.* Einführung in die Soziologie der Erziehung und des Bildungswesens. Darmstadt- Wiss Buchgesellschaft, 1985.
15. *Wouters C.* Informatisierung und der Prozess der Zimilisation // Materialien zu N. Elias Zivilisationstheorie / P. Gleichmann, J. Goudsblom, H. Körte (eds.) Frankfurt: Suhrkamp, 1979. P. 279 — 298.
16. *Behnen I., du Bois-Reymond M., Zinneker J.* Stadtgeschichte als Kindheitsgeschichte. Opladen: Leske & Budrich 1989.
17. *Postman N.* The Disappearance of Childhood. New York: Delacourt, 1982.
18. *Coleman J.S., Hendry L.* The Nature of Adolescence. London: Routledge. 1991.
19. *Glaser B.G., Strauss A.L.* The Discovery of Grounded Theory. Chicago, 1967.
20. Schütze F. Biographie forschung und Narratives Interview // Neue Praxis. 1983. № 13. P. 283—293.
21. *Muhlfeld C, Windolf P., Lampert N., Kruger H.* Ausweitungsprobleme Offener Interviews // Soziale Welt. 1981. № 32. P. 325—352.
22. *Lenz K.* Alltagswelten von Jugendlichen. Frankfurt/New York: Campus. 1986.
23. *Lamnek S.* Qualitative Sozialforschung. V. 2. München: PVU, 1989.